

РОБЕРТ БЕРНС
(1759 — 1796)

ДЖОН ЯЧМЕННОЕ ЗЕРНО

Решали три правителя,
Собравшись на совет,
Что Джон Ячменное Зерно
Покинуть должен свет.

Его в глубокой борозде
Засыпали они:
«Ну, Джон Ячменное Зерно
Свой закончила дни!»

Но только хлынули дожди,
Когда пришла весна,
И — Джон Ячменное Зерно
Воспрянуло ото сна.

А летом копыта проросли
От золотых лучей,
И оцетинились они —
К ним подходить не смей!

Но осень трезвая пришла,
И яркий Джон поблек,
И начал грузно оседать
Как дряхлый человек.

Слабея и чах он, с каждым днем
Старел на глазах,
И тут воспрянули враги,
Забыв свой прежний страх.

Кривым железным острием
С размаху сбили с ног,
Как жулика связав, его
Вавалили на возок.

Потом дубасили вояско,
Чтоб одурел смельчак,
И, ловко за ноги схватив,
Вертели так и сяк.

И в яму бросили с водой,
Где мрак со всех сторон, —
Чтоб утонул или доказал
Свою сноровку Джон.

Как только он разбух, его
На воздух извели,
Едва же сделала первый вздох —
Давным и трясам.

И жарчили его в печи
До самых до костей,
И мельник злой те кости тер
Меж двух больших камней:

Текла по капле кровь его,
Горячая текла. —
Все норовили зачерпнуть
Веселого тепла.

Была Джон Ячменное Зерно
Отжатым до конца:
Рождает храбрых кровь его
И радует сердца.

Она печали гонит прочь,
И весела тот, кто пьет:
От слез промокшая вдова,
Хлебнув ее, поет...

Мы за него поднимем тост —
Один, за ним второй,
И не умрет навеки Джон
В Шотландии родной!

МОЛИТВА СВЯТОШИ ВІЛЛІ

Господь! Твой дом — небесный сад,
Ты забираешь всех подрад,
В рай одного, десяток — в ад,
Жизнь каждую итожа:
Не за грехи, а неволею,
Себе во славу, Боже.

Я на тебя молюсь, ведь ты
Извел меня из темноты,
Где сном теней — глаза пусты,
Во тьме толпятся тени,

А я в свинье красоты
Здесь преклонил колени.

Адам поддался сатане —
Шесть тысяч лет его вине, —
Ты людям отомстил вполне,
Послав на них проклятье.
За что же честь такая мне —
Вот не могу понять я?

Покинуя чрево я в свой срок,
Упав у материнских ног, —
Ты в адские пределы мог
Послать меня до смерти,
Где льется огненный поток
И где гонят черти.

Но избран я, Господь, Тобой
Тебя, храм возвеличить Твой,
Всех прихожан влечь добротой,

Служить опорой веры
И вылавлять порыв благой
У них своим примером.

Я им твержу о судном дне,
О том, что пьянство не по мне,
Что сквернителей стогит в огне,
Что нужно помнить Бога,
Но люди липнут к сатане:
Таких, как я немного.

Я призван сорняки полоть,
Но и меня терзает плоть.
Ну как себя перебороть?

И я бываю грешен:
Из праха создан я, Господь,
Что на грехе замешан.

На зорьке с Метти я... того...
Стыжусь падения своего.

Господа! Прошу я одного —
Прости, я впрямь, ей-богу,
Не задеру ни на кого
Свою шальную ногу.

Еще я Лиззи — случай был —
Три раза на спину валил,
Про воздержание позабыл

Саута и раб Твой верный,
Прости, я в пятницу подлин.

И каюсь — случай скверный!

А может, плотский грех кланя,
Ты испытать решила меня,
Чтоб я, не отдохнув ни дня,

Наведал муки ада?
Ну что же, этого огня

Тогда гасить не надо.

Господи! Послушных слуг храни,
Но всех смутянов прокляни,
Они — исчадие сатаны.
На страшные их рожи
Случайно как-нибудь взгляни
И опозорь их, Боже!

Джон Гэмилтон — эйрширский плут:
Там, где вино, он тут как тут,
Не к пастырю — к нему бегут
Дорогою опасной!
К нему, отринув веру, льнут,
Безбожник он ужасный.

Его я пожурил, и вот
В ухмылке Джон оскала рот:
Заржал, схватившись за живот,
Раскатило и густо.
Пусть у него, Господь, сгниет
Капюшка и капуста!

Господи! Я знаю, Ты велик:
Врата счастия за поротник,
Любего уничтожишь вмиг.
Прошу, создастель мира,
Заставь-ка прикусить язык
Пресвитеров Эйршира!

Знай, слушать Эйрина нет сил, —
Речами всех нас обжорил:
Одн головою так крутил,
Что закрутил по плечи,
А я струю в штаны пустил
Во время пылкой речи.

В Твоих руках и ад и рай —
Эйрширцев строго покарай,
Им в судный день не доверай —
Не будет строгость лишней —
И за грехи им всем воздай,
Прошу Тебя, Всевышний!

Господа! Ты нами, просим, прости,
Без милости нас не оставь
И верным саугам благ прибавь,
Душой к нам не остынь
И этим — небеса восславь!
Аминь! Аминь!

ГОРДАСТАЯ МАМАША

— Куда, касаточка, идешь,
Куда ведет дорога?
— Туда, куда послала мать! —
Она связала строго.

— Ты где, касаточка, живешь?
Живешь где, недотрога?
— Живу с мамашей у ручья.
Остань ты, ради Бога!

Я доник к вечеру нашея
С касаткой-недотрогой,
И в полутьме она была
Уже не очень строгой...

Запел петух гордастый вдруг,
Увы, совсем нестати:
Мамашу поднял, и она
Накрыла нас в кровати.

Мать отступила дочь прутком,
Досталось на орехи:
Платенно кончались, увы,
Любовные утехи.

Прощай, касаточка-душа,
Я порезвился — баста!
Сама ты очень хороша —
Мамаша так гордаста!

РАЗ — ПОХЛЕБКА,
ДВА — ПОХЛЕБКА

Если б я женатым не был,
Век не знал бы я забот, —
Вечно хнычут ребяткиши,
Вечно пуст у них живот.

Раз — похлебка, два — похлебка:
Трижды в день за годом год
В ожидании похлебки
Раскрывают дети рот.

В дверь тоно Нуду и Голод,
А они все время тут:
Не успеа прогнать их в двери,
Глянь — они опять идут!

Раз — похлебка, два — похлебка:
Трижды в день за годом год

В ожидании похлебки
Раскрывают дети рот.

* * *

Ты зачем легла, девчонка,
Не на ту кровать?
Не сумела ты, девчонка,
С парнем совладать!

Где же розовые щечки?
Ты теперь бледна, девчонка,
И не сходятся губочки,
А ты все одна, девчонка.

Чуть отведаешь похлебки,
И тебя мутит, девчонка.
Жить как будешь, сделав глупость?
Где былой твой вид, девчонка?

Разадорила ты песней
Злой пчелиный рой, девчонка:
В ход пчела пустила жало,
Став твоей бедой, девчонка.

Ты зачем легла, девчонка,
Не на ту кровать?
Не сумела ты, девчонка,
С парнем совладать!

УИЛЬЯМ ЛАЙЛ
БОУЛЗ
(1762 — 1850)

ИСЦЕЛЕНИЕ

О время! Ты врачующую руку
Кладешь несмышно и не суетясь
На раны наши — пусть не в тот же час,
Но постепенно облегчаешь муку.
Лишь на тебя опытные уповаю
Как на последнюю надежду я,
И слезы горькие, что, не тая,
Печально лью — осушишь ты, я знаю.